

А. М. Пешков в казанских революционных кружках.

(Материалы к биографии Максима Горького).

Как известно, А. М. Пешков около 3-х лет прожил в городе Казани (с лета 1885 г. до весны 1888 г.) и там вращался, между прочим, в революционных кружках. Без сомнения, эта полоса его жизни имела весьма важное значение. От товарищей, тогда живших в Казани, я слышал об этих кружках и о лицах, влиявших на А. М. Упоминали о влиянии на А. М. студента-медика П. Ф. Кудрявцева, студента академии С. М. Миловского, студента университета М. Е. Березина и некоторых других лиц.

О Миловском А. М. сам упоминает в книге «Мой университет».

О казанских революционных кружках и участии в них М. Горького я давно собираю сведения и переписывался с некоторыми тогдашними руководителями их.

В моем распоряжении имеется 4 описания этих революционных кружков: известного писателя С. Н. Миловского-Елеонского (от 1907 г.), д-ра М. Д. Фокина (1926 г.).

Недавно мне удалось получить еще от тов. П. Ф. Кудрявцева (санитарного врача-общественника) и М. Е. Березина (б. члена и тов. председателя 2-й Госуд. Думы) довольно подробное описание казанских революционных кружков того времени, с ука-

занием участия и учебы А. М. в этих кружках.

Описание казанских револ. кружков 80-х годов, помимо биографического значения о М. Горьком, представляет еще больший интерес в том отношении, что В. И. Ульянов-Ленин, поступив осенью 1887 г. в Казань студентом, имел связи с этими кружками и за участие в демонстрации 4 декабря этого года был исключен вместе с другими студентами из университета и сослан в деревню Кокушкино.

Осенью 1888 года Владимиру Ильичу, как пишет его сестра Анна Ильинична, разрешено было снова жить с матерью и ею в Казани, и он снова возобновил связь с революцион. кружками.

Поселившись в Казани, Владимир Ильич основательно занялся изучением Карла Маркса.

«Тут он начал чтение «Капитала» Маркса, как пишет сестра, рассказывая мне с большим увлечением о прочитанном. «Тут завел некоторые знакомства, но больше уходил сам, чем принимал. Он был довольно осторожен из внимания к матери. Фамилии его знакомых я не помню». («Биография Ленина, Ярославского», 27 стр.).

Сам Владимир Ильич в «Сборнике воспоминаний о Н. Е. Федосееве пи-

шет, что револ. кружок, в котором он принимал участие, был ликвидирован осенью 1889 года, когда он жил уже в Самаре.

Кроме того, старший брат Владимира Ильича—Александр Ульянов, будучи еще гимназистом Симбирской гимназии, тоже находился в сношениях и переписке с казанскими революционными кружками, о чем свидетельствуют мемуары З. М. Таланцева (принятые для печати в журн. «Былое»).

Два казанских студента—химики: Генералов и Осипанов, знакомые А. И. Ульянова, в 1886 г. переехали из Казани в Питер и там совместно с ним принимали деятельное участие в заговоре на убийство Александра III и были все казнены в мае 1887 г.

Привожу здесь описание казанских кружков в выдержках.

С. Н. Миловский пишет:

«Я в Казани жил с 1881 года до осени 1886 г., это был период искания и создания критической личности. Здесь я должен сказать вкратце, как тогда выращивалась кружковская молодежь. Мы собирались два раза в неделю и читали. Начинали чтение с книги Головачева «Десять лет реформ», потом переходили к «Политической экономии» Иванюкова («Краткий очерк»), затем к Чернышевскому (примечания к Миллю), к разным его статьям в «Современнике», к статьям Аппененского, к историческим письмам Миртова-Лаврова, к В. В. в «Отечеств. Записках» и т. п. и, наконец, к Марксу, по статьям Зиберера или по переводу,

Мы немного читали на наших собраниях, страницу-две-три, редко главу. Но зато останавливались на каждой строчке, на каждой мысли, попутно извлекая каждый свои знания спорили-спорили и всегда приходили к одному выводу.

Нашим кружком руководил студент-медик М. Д. Фокин, диалектик, знающий, развитый.

Он казался для нас недостижимым идеалом. Направляя нашу мысль, он давал массу работы на дом, и дома мы читали и реферировали Михайловского, Спенсера, Кареева и пр. и пр. У меня, например, был прореферирован весь Михайловский».

В нашем кружке были, кроме меня и Кудрявцева, еще студенты: М. Е. Березин (видный в казанских кружках революц. деятель), Колибрин, Автократов, Масловский, Ковалев, офицер Ренар, юнкера—Поляков и Андришевский и некоторые другие лица.

Лекции студентами были заброшены. Мы, академики, ничего не знали по своей богословии. Говорю об этом, как показатель того, что мы учились совсем другому. Мы, академики, нисколько не ценили своей академической науки.

Мало ценили свою—и студенты университета, исключая медиков, которые очень-очень зубрили, но не все и не большинство.

Организация кружка была такая, что каждый после известного искусства становился во главе нового своего кружка.

Завершалось дело изложением

практической программы.

Я нарочно подробно остановился на идейном течении жизни молодежи в Казани в 80-х годах, чтобы вы могли почерпнуть из этой характеристики те данные, которые могут характеризовать и А. М. Пешкова, как одного из многих той купели, в которой крестились тогда люди, жаждущие света.

Развитие шло по Челябинскому направлению на обломках народофильской группы с юга, с примесью чернопередельчества и под преимущественным влиянием лавризма.

В нашем кружке выработалось отрицательное отношение к нелегалитету. Мы считали возможным дойти до выводов путем работы над легальным материалом, а нелегалитету допускали только, как финал, как неизбежный и при том в конце курса, а не в начале. Добираться своими силами, путем индукции, а не дедукции. Это, несомненно, развивало, хотя отнюдь мало массовые времена. Кое-кому это пошло.

Описанную школу прошел и А. М. Пешков, будущий Максим Горький.

На поставленный мною С. Н. Миловскому вопрос: кто из студентов на А. М. имел большее влияние: Кудрявцев или кто другой?—ответ был таков:

«Да, Петр Филиппович Кудрявцев, имел огромное влияние на А. М. в бытность в Казани. Петр Филиппович разбудил мысль А. М., направил, дал книгу, создал настроение и бросил семя мировоззрения в его душу на всю жизнь». В. Н. Золотницкий.

(Продолжение следует).

А. М. Пешков в казанских революционных кружках*).

(Материалы к биографии Максима Горького).

Другой из видных руководителей кружков, упомянутый выше, М. Д. Фокин (теперь московский профессор) в письме сообщил мне:

Задачи кружков ставились следующие:

1) Общими силами выработать и прочно обосновать свое социалистическое и революционное мировоззрение, а затем точно формулировать и определить свою политическую ориентацию (в смысле определенной политической программы). Эта программа из существующих тогда революционных направлений,—ближе всего стояла к программе «Земля и Воля»

2) Рядом с выработкой своего политического мировоззрения кружок ставил своей технической задачей в ближайшее же время проникнуть во все учебные заведения Казани, с целью вербовки революционно-настроенных элементов.

В дальнейшем развитии работы проектировалось,—по мере накопления достаточного количества подходящих элементов, создание целого ряда новых филиальных кружков, которые все должны были группироваться вокруг основного кружка и действовать согласованно по общему плану.

Н. Ф. Кудрявцев, работавший в кружках с 1882 г. до осени 1887 г., дает довольно подробное описание участия и учебы в этих кружках А. М. Пешкова. А. М. рекомендован был Кудрявцеву студентом Е. Н. Чириковым, впоследствии известным писателем.

П. Ф. Кудрявцев так описывает свое знакомство с А. М. и его учебу в Казани.

Ал. Макс. был нам изображен Чириковым, как человек, полный жажды знаний, по его мнению, ему было бы чрезвычайно целесообразно дать кружковое образование. Мы сказали Чирикову, чтобы он его, непременно, оставил в Казани, и что на первое время, до прислания работы, мы ему поможем. Прибывший Пешков был присоединен к одному из многочисленных наших кружков, которым ведал, если не ошибаюсь, Михаил Егорович Берзин. В виду того, что А. С. Деренков—владелец мелкой лавочки, был у нас вполне своим человеком, мы свели Ал. Максимовича с ним. У последнего была богатая библиотека общественно-политического содержания. Кроме того, наш центральный кружок взял в сферу своего влияния, обеспечив себе не только возможность получать из устных ответы на все его запросы, но и в смысле снабжения его всевозможной литературой, всякого вида (и беллетристической, и публицистической и научно-популярной и капитальной) Сначала Горький жил случайными заработками, но вот начала организовываться булочная, в которую предположено было привлечь и Пешкова. Булочная была открыта на имя отца Андрея—Степана Диренкова. Организовывал ее А. Д.—в, на основе его кредитоспособности в торговом мире, непосредственно же вела ее его сестра—Мария Степановна Диренкова, как уполномоченная своего отца и

брата. Вначале булочная помещалась на Лядской улице. Деренковым она предназначалась не для личных бакалейных, а в целях, достигаемых революционными кружками, при чем рабочие в этой булочной должны были пользоваться хорошими условиями и в смысле пищи, жалования, отношения хозяев. Дело булочной-кондитерской считалось настолько прибыльным, что действительно таковым, что была возможность большую часть прибыли направлять на революционные цели. Сначала дело велось в скромных размерах, но скоро выяснилась возможность поставить его более широко. Булочная захватила многие оптовые поставки в учебных заведениях, благодаря связям кружковых работников в общежитиях учащихся.

В этой же булочной с начала ее существования до конца, работал Алексей Максимович Пешков. С самого начала для А. М. Пешкова было выговорено условие, чтобы он, работая в булочной, имел достаточно времени для своего развития и участия в революционных кружках. Как в первой булочной, так и во второй, я жил в качестве квартиранта, занимая особую комнату, удобную в конспиративном отношении. Особенно хороша была в этом отношении комната-особняк на Лядской улице, состоящая из четырех каменных стян, с особым ходом на двор, и отделенная воротами от булочной. А. М. Пешкову было поручено отапливать и убирать мою комнату: этим устанавливалась естественная возможность часто бывать ему у меня в комнате, по характеру своей службы и беседовать со мной по социально-политическим вопросам. Он часто заходил ко мне и тогда, когда собиравшись у меня кружковые и групповые собрания и читая чтения и беседы на

социалистические и революционные темы. Словом, А. М. был в числе лиц, посвященных во все происходившее. Сначала Пешков был помощником пекаря, впоследствии он сделался разносчиком булок по учреждениям и представлял из себя живую связь с кружками различных учреждений. Наиболее тесные сношения у него установились с Мидовским, впоследствии писателем Елеонским, студентом духовной академии.

В период упадка народофильского движения в Казани—этом этапе между Сибирью и Европейской Россией (куда нередко прибывали политические и нередко оставались царской властью), в 80-х годах, развилось сильное революционно-социалистическое движение, в виде многочисленных кружков, ставивших целью выработать научно-социалистическое мировоззрение, а как практическую задачу—создать охват цвета населения, начиная с учащейся молодежи и рабочих, кончая войсками и крестьянством. Конечной своей задачей кружки ставили—поднять народное восстание, с целью низвержения существующего царского самодержавного строя, опираясь в городах на фабричных рабочих и войска, а в селах на крестьянство, в лице его передового слоя, в смысле склонности последнего к повстанцам. В основу теоретической и практической программы положен был научный социализм Маркса и Энгельса. В одном из этих кружков работал Горький. По условиям своей жизни и сущности своего характера, или, вернее, своей индивидуальности, он не мог быть дисциплинированным членом кружка: в силу многогранности своей личности, своих способностей и всего творческого духа писателя. Ал. Макс.—как и от какого-либо

кружка, так и от отдельных личностей—брал то, что мог извлечь его творческий дух, и шел дальше. Несомненно, однако, что эти кружки и влияние отдельных лиц этих кружков не только разбудили его мысль, создали высокое в нем настроение и заложили семена в его мировоззрении на всю жизнь, сделали его той личностью, каким он стал в действительности, вдобавок к его таланту, который есть, конечно, дар природы, и тех личных наследственных и социальных условий, которые содействовали его развитию. В наших кружках проводились программы трех объемов занятий для выработки полного и законченного социально-политического мировоззрения: малое, среднее и максимальное, смотря по условиям среды и отдельных лиц. С каждым вновь вступающим в кружок первой степени проводилась минимальная программа, состоящая из систематически подобранной беллетристической литературы, критики (Добролюбов и Писарев), публицистической по русской действительности и краткого курса политич. экономии, в популярном изложении. Средняя программа имела задачей дать твердое понятие по общему государственному праву (не по учебникам, а по литературе того времени), углубленное прохождение политич. экономии с изложением основ научного социализма, начиная Чернышевским и кончая Марксом и Энгельсом, разбор партийных программ (читались и критически разбирались «Наши разногласия Плеханова» и др.), читались избранные статьи по экономической литературе, по теории и практике прогресса, истории, философии и общей истории.

(Окончание следует).

В. Н. Золотницкий.

А. М. Пешков в Казанских революционных кружках*).

(Материалы и биографии Максима Горького).
(Окончание).

Третья программа (предназначавшаяся для немногих) имела целью подробное изучение научного социализма («Капитал» Маркса), его реферирование, «Коммунистический манифест» Маркса и др. его произведения по истории революции, произведения Энгельса; изучение движения рабочих Запада, I и II Интернационала и конгрессов и программы практической революционной работы на местах.

Проработавшие первую программу и перешедшие к работе второй программы начинали уже практическую деятельность, т. е. самостоятельное ведение кружков среди молодежи и рабочих. Ал. Макс. в период кружкования, может быть, и не прошел этих программ в порядке последовательности, но, несомненно, работал во всех, так сказать, трех ярусах и постиг все детали критики существовавшего до-революционного строя и получила ясное представление о формах социалистического строя.

В это время А. М. Пешков уже «сформировался в человека с большими образованном, в смысле социально-политических знаний и определенного мировоззрения в направлении социа-

листическом и революционном. Я зашел с ним речь у крыльца булочной (на Бассейной ул.) о том, что ему пора заняться систематической работой по организации агитации и пропаганды среди рабочих города Казани. (Летом в 1887 г.). Он с удивительным благожелательством и искренностью сказал мне: «Нет, П. Ф., я не способен к партийной систематической и планомерной работе. Я могу только помогать и содействовать».

Я был удивлен и огорчен, по принял это, как непреложный факт, и больше с ним об этом не вел разговоров».

М. Е. Березин—студент-математик выдавал также из нелегальной библиотеки (1886—1887 г.) А. М. Пешкову книги для чтения рабочим булочной.

Он упоминает, что чтение книги Восточарова о Степье Разине произвело громадное впечатление. Вечером или ночью в свободное время, между посадками хлеба в печь, рабочие лежали, а Пешков читал.

«Я читаю, а у них глаза с ползатей, как угли, горят».

Это при чтении книги о Степье Разине. Таких книг он и просил давать побольше.

«Как сейчас помню,—пишет Березин.—разговор с Пешковым после прочтения примечаний к Миллю Чернышевского (о производит. и непродизводительном труде)—он с жаром перечислил виды непродизводительного труда: церкви, монастыря и т. д., как на причину бедности масс в капиталистическом обществе».

«Теоретические занятия с интеллигенцией его, однако, не удовлетворяли, он темнулся в низы».

На запрос мой об участии в револ. кружках Ленина, М. Е. Березин пишет:

«С В. И. Ульяновым я встречался редко—он был в Сибирском землячестве, а я в Казанском. От своего товарища Столбова я слышал, что среди студентов юристов (а я был математик) 1-го курса обращает на себя внимание Ульянов, с которым и необходимо сблизиться в интересах революционной пропаганды. Но в каких кружках он затем работал, не помню. За беспорядки в 1887 г. он был исключен».

Березин упоминает, что с А. М. Пешковым одно время приходилось заниматься очень мало, так как он сильно перегружен был работой по булочной.

Кривые данные, помимо биографического значения, о М. Горьком, представляют еще и общий интерес в смысле постановки дела в казанских революционных кружках.

Как передавали мне, девизом передовой молодежи были тогда слова Лассалли: «Надо выступать на общественную работу, вооружившись всеми знаниями своего века».

Действительно, тогда революционная молодежь, забросив часто клепальную учебу, работала в другом направлении, изучая «русскую действительность», проходя «политучебу».

Помимо Ленина, многие впоследствии известные общественно-революционные деятели здесь получили закалку и направление, раскинув свою деятельность по всему Поволжью и даже далее.

Высланные участники кружков в 80—90-х годах и позднее работали в земских и городских учреждениях и в газетах Поволжья, разлив при этом значительную революционную деятельность.

Так, в Н.-Новгороде их было несколько десятков. Помимо общественной и просветительной работы, они вели революционную пропаганду среди рабочих, крестьян и учащейся молодежи.

Кстати упомянуть, в Н.-Новгороде первыми руководителями по части революционизирования Якова Свердловца, впоследствии председателя ВЦИК'а, были высланные участники казанских кружков 1887—1888 г.г.: Сонов С. Г. и Троицкий П. М.

Сонов был близок и в Малому Горькому как в Казани, так и в Н.-Новгороде, совместно квартируя, и

первый арест А. М. Пешкова в 1889 году был в связи со знакомством с Сомовым

В городе Самаре участники кружков сотрудничали в «Самарском Вестнике»—первой в Поволжье газете с явно марксистским направлением.

В годы пребывания В. И. Ульянова (Ленина) и М. Горького в Казани в 1887 и 1888 годах, кроме Федосеева, увлекались марксизмом еще: Григорьев, Барамзин, Зайцев, Бауман (убитый в Москве), Стопани, Соскин, Румянцов (П. П.), Кулиниченко, Керчикер, Сигорский, Скворцов П. И. и другие. Среди них пионером насаждения марксизма считался П. И. Скворцов, переехавший после из Казани в Н.-Новгород, куда на свидание с ним приезжал в 1891 году В. И. Ульянов (Ленин).

В Казани издавалась в то время одна из лучших газет Поволжья—«Волжский Вестник», профессора Загоскина, а также «Казанский Листок».

Вместе с статистикой заводывал возвратившийся из ссылки известный П. Ф. Анненский (с 1883 до 1887 г.), переехавший после в Н.-Новгород, где у него работали по статистике первые нижегородские марксисты (прибывшие тоже из Казани): П. Н. Скворцов, М. Г. Григорьев и друг.

Впоследствии в Казанском университете учились и работали в революционных кружках А. П. Рыков и Н. А. Семашко.

Б. Н. Золотницкий.

* См. №№ 32 и 33 «Н. К.».